

М. Ф. Владимирский-Буданов

**Государство и народное
образование в России с XVII века
до учреждения министерств**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 304
ББК 60.5
М11

М11 **М. Ф. Владимирский-Буданов**
Государство и народное образование в России с XVII века до учреждения министерств /
М. Ф. Владимирский-Буданов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 156 с.

ISBN 978-5-4241-7575-6

ISBN 978-5-4241-7575-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ванію, мы имѣемъ въ виду понятіе о государствѣ въ широкомъ смыслѣ, и не можемъ противопоставлять государства общинамъ, корпораціямъ и сословіямъ, какъ дѣлаетъ Штейнъ, относя школы, основанныя этими послѣдними, къ области частнаго права.

Историческій ходъ русскаго народнаго образованія даетъ намъ возможность излагать мѣры, исходившія относительно его отъ государства, въ той исторической послѣдовательности, въ которой стоятъ другъ къ другу указанные сейчасъ элементы: общины (и корпораціи) въ XVII вѣкѣ, сословія въ 1-й половинѣ XVIII и государство въ тѣсномъ смыслѣ со 2-й половины XVIII вѣка. Но спѣшимъ предупредить, что эта послѣдовательность, повидимому естественная, едва ли окажется въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи согласною съ духомъ русскаго государственнаго права. Въ русскомъ правѣ слѣдуетъ различать: общины (и корпораціи), *земства* и государства. Но средній элементъ лишь недавно призванъ къ дѣятельности и мало проявилъ себя въ исторіи. Сословія вызваны искусственною дѣятельностью государства и могущественнымъ средствомъ къ созданію ихъ были именно мѣры правительства по распредѣленію образованія въ народѣ.

Здѣсь открываεται другой порядокъ наблюденій въ области государственной жизни, съ точки зрѣнія избраннаго нами вопроса, а именно: вліяніе мѣръ относительно народнаго образованія на возникновеніе и упадокъ общинъ, корпорацій и сословій.

Когда мы говоримъ о русскомъ государственномъ правѣ, объ отношеніи государства къ народному образованію, то должны помнить, что хотя литовско-русское государство лишилось самостоятельнаго существованія еще въ 1569 году, но этотъ законъ остался мертвою буквою; погибли лишь нѣкоторыя изъ учрежденій, заимствованныхъ изъ польскаго государственнаго права. На мѣсто ихъ тотчасъ явились старыя, русскія учрежденія въ совершеннѣйшей чистотѣ ихъ и тотчасъ вступили въ борьбу съ польскими. Гетманщина, эта искусственная связь литовско-русскаго государства съ польскимъ, представляетъ собою совершенно самобытный русскій центръ, у котораго съ государствомъ польскимъ было лишь одно общее — король. Во всякомъ случаѣ, дѣйствія общинъ и корпорацій по народному образованію въ западной Руси XVII вѣка, и по своему духу, и по внѣшнимъ признакамъ, никакъ не могутъ быть исключены изъ исторіи отношеній русскаго государства къ народному образованію. Со времени имперіи всѣ остальные части обомъ государствъ сливаются вмѣстѣ; внѣ ея остаются лишь такія пассивныя части литовско-русскаго государства,

въ которыхъ нельзя замѣтить никакихъ слѣдовъ движенія въ интересахъ русскаго образованія.

Образованіе, которое могутъ имѣть въ виду указаннныя сейчасъ органы, какъ одну изъ задачъ государственной дѣятельности, должно быть различаемо какъ отъ *цивилизаци*, такъ и отъ *просвѣщенія*. Первая слагается изъ всѣхъ условій общественнаго развитія, то-есть, изъ успѣховъ науки, искусствъ, религіозныхъ воззрѣній. Это есть обширное общее понятіе, въ которое входятъ, какъ части, понятія о просвѣщеніи и понятіе объ образованіи. Цивилизація, какъ предметъ дѣятельности государства, есть вся полнота благосостоянія („культурная полнота“) въ цѣломъ ея составѣ.

Просвѣщеніе есть понятіе болѣе частное: оно заключаетъ въ себѣ тѣ условія, которыя состоятъ въ распоряженіи лица къ дальнѣйшему умственному и нравственному его совершенствованію, послѣ того какъ образованіе его уже закончено; сюда прежде всего относится литература и различнаго рода ученныя общества. Какъ предметъ государственной дѣятельности, просвѣщеніе является одною изъ частей полиціи благосостоянія, совершенно отличающаеяся отъ полиціи образованія въ собственномъ смыслѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ одною изъ частей полиціи безопасности. Полицейскія отношенія, возникающія отсюда (цензура, система административныхъ преслѣдованій, нарушеній законовъ о печати, судебныхъ преслѣдованій по преступленіямъ печати), не имѣютъ ничего общаго съ администраціею народнаго образованія и въ новыхъ государствахъ не возлагаются уже на специальный органъ управленія народнаго образованія — министерство народнаго просвѣщенія¹⁾.

Мы далеки отъ мысли расширить свою задачу до границъ исторіи цѣлой культурной полиціи, и даже полиціи просвѣщенія въ частности. Поэтому дѣйствія государства по отношенію къ литературѣ, ученнымъ обществамъ (какъ, напримеръ, основаніе типографій, цензура, покровительство ученнымъ, поддержка ученыхъ обществъ) не входятъ въ нашу задачу. Ограничивается она образованіемъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, то-есть, тѣми средствами умственнаго и нравственнаго развитія, которыя предлагаются человѣку въ періодъ его подготовки къ общественной дѣятельности. Это образованіе, однород-

¹⁾ Известно, что литературу и ученныя общества часто свѣдываютъ съ образованіемъ, полагая, что именно въ этомъ заключается смыслъ образованія, но совершенно ошибочно.

ное по своей сущности, далеко не одно и то же по степенямъ и формамъ: чѣмъ несложнѣе элементъ государства, чѣмъ онъ меньше по своему объему и бѣднѣе по экономическимъ силамъ, тѣмъ проще (однороднѣе) самое образованіе, тѣмъ ниже кругъ знаній, пропагандируемыхъ внутри общинъ. Но какъ низшіе элементы государства охватываютъ собою всю народную жизнь, всѣ классы общества, то и образованія этого рода, есть образованіе, наиболѣе распространенное (отличается характеромъ всеобщности). Всѣ эти три черты: однородность, низшій научный уровень и всеобщность составляютъ три черты, характеризующія собою элементарное образованіе.

Какъ ни различно возникновеніе сословій, отъ возникновенія высшихъ классовъ, основанныхъ на различіи профессій; какъ ни вѣрна мысль—относительно по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ народовъ,—объ исконномъ происхожденіи сословій, о кровныхъ началахъ ихъ, но все же несомнѣнно, что и сословія, въ самомъ началѣ своего возникновенія, группируются по профессіямъ; даже восточныя касты суть ничто иное, какъ профессіи. Образованіе, которое можетъ дать сословіе, есть образованіе профессиональное. Отличаясь несравненно болѣею высотой науки и непосредственною приимчивостію къ жизни, оно существенно уступаетъ элементарному образованію по своей исключительности, замкнутости.

Лишь государство (въ тѣсномъ смыслѣ) можетъ слить эти противоположности въ одно: сдѣлать высоту научнаго образованія доступною для всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, для многихъ. Общее (среднее и высшее) образованіе—вотъ преимущественно задача государства.

Прилагая эти формулы къ исторіи русскаго образованія, мы находимъ, что до Петра стояло на низкой ступени по своему уровню и на высокой по своему социальному значенію (по своей однородности и всеобщности) образованіе элементарное. Петръ вызываетъ сословія къ пріобрѣтенію и распространенію профессиональныхъ знаній, несравненно болѣе высокихъ въ научномъ отношеніи. Съ Екатерины II государство стремится къ распространенію общаго образованія (средняго до учрежденія министерствъ и высшаго—съ учрежденія министерствъ).

Такая схема, весьма легкая для историческаго изученія и весьма вѣрная въ отношеніи къ дѣйствительному ходу образованія въ Россіи, не соответствуетъ, конечно, схемѣ педагогической. Эта послѣдняя развивается слѣдующимъ образомъ: образованіе элементарное, среднее и высшее, которое на всѣхъ ступеняхъ остается общимъ.

За каждою изъ означенныхъ ступеней слѣдуютъ обыкновенно различныя формы профессиональнаго образованія: высшія экономическія профессіи, требующія примѣненія физическихъ силъ (трудъ земледѣльческой и рабочей), слѣдуютъ обыкновенно за элементарнымъ образованіемъ; высшія экономическія профессіи (требующія техническихъ знаній и математики) за среднимъ образованіемъ; наконецъ, такъ называемыя ученые профессіи (преимущественно государственныя) за высшимъ образованіемъ. Но и это отношеніе профессиональнаго образованія къ общему противорѣчитъ отчасти и социальнымъ, и педагогическимъ требованіямъ. Человѣкъ, пріобрѣтшій элементарное образованіе, по естественному ходу, не можетъ предаться изученію профессиональныхъ знаній, съ тѣмъ, чтобы отложить на неопредѣленное время пріобрѣтеніе общечеловѣческой образованности. Такъ какъ профессиональное образованіе приготовляетъ къ практической дѣятельности, то для лица, обращающагося къ ней, нивогда (не говоримъ объ исключеніяхъ) не наступитъ возможность дополнить свое образованіе высшими, общими знаніями. Огромная масса народа повсюду въ Европѣ слѣдуетъ, конечно, именно такому порядку, но его нельзя считать нормальнымъ, соответствующимъ психическому росту человѣка. Напротивъ, общее (среднее, а для могущихъ пріобрѣсти его — и высшее) образованіе должно предупреждать всякія профессиональныя знанія, что имѣетъ чрезвычайную важность, какъ для самого общаго образованія (которое въ противномъ случаѣ для большинства вовсе не наступитъ), такъ и для профессиональнаго, которое иначе не можетъ быть основательнымъ.

Отношеніе государства къ народному образованію. Цѣль, преслѣдуемая государствомъ (понимая подъ нимъ и высшіе его элементы) въ своихъ отношеніяхъ къ народному образованію, должна заключаться не въ созданіи народной образованности, а въ ея распространеніи. Образованность создается личнымъ творчествомъ духа — разумомъ и волею и, какъ благо чисто духовное, не можетъ нивогда быть продуктомъ принужденія, юридической обязанности. Духовныя блага — суть блага личныя: онѣ сопривасаются съ интересами государства не по своему возникновенію, а по своимъ результатамъ¹⁾.

¹⁾ Stein, стр. 14. «Государство столь мало можетъ давать (geben) образованіе, какъ и экономическія блага; руководящимъ принципомъ управленія должно быть слѣдующее: государство должно создать для образованія только тѣ условія, которыя не доступны частному лицу собственными его средствами, между тѣмъ какъ пользованіе этими условіями или дѣятельное образованіе

Точка соприкосновения государства съ этими духовными благами есть передача ихъ отъ одного лица къ другому; задача государства — устранить препятствія для этой передачи и обеспечить средства для нея.

Слѣдовательно, способы вліянія государства на народное образованіе заключаются въ учрежденіи школъ и другихъ вспомогательныхъ учебныхъ заведеній (музеи, кабинеты, библіотеки и проч.), въ законодательныхъ мѣрахъ и, наконецъ, въ административныхъ учрежденіяхъ.

Къ этой истинѣ государство пришло, однако, не вдругъ. Было время, когда оно считало себя источникомъ и цѣлью образованія, видѣло въ немъ благо, сообщаемое для собственныхъ своихъ цѣлей. Извѣстно, какъ постепенно освобождалось оно отъ этого заблужденія. Остатки прежнихъ воззрѣній можно найти какъ въ ученіяхъ современной науки о государствѣ, такъ и въ разныхъ приемахъ административной практики въ европейскихъ странахъ. Говорятъ, что отношеніе государства къ различнымъ родамъ образованія не одинаково, а именно: элементарное, не имѣющее, будто бы, самостоятельнаго значенія, а служащее лишь средствомъ къ приобрѣтенію образованія, не можетъ претендовать на свободу, а должно быть установлено какъ принудительная юридическая норма. Профессиональное образованіе должно оставаться вполнѣ свободнымъ въ отношеніи къ тѣмъ профессіямъ, которыя возникаютъ изъ личной инициативы и личныхъ интересовъ, но подлежить болѣе непосредственному вліянію государства въ профессіяхъ ученыхъ, потому что здѣсь личный интересъ не можетъ регулировать удовлетвореніе общественныхъ нуждъ съ такою правильностью, какой требуетъ высокое общественное ихъ значеніе. Наконецъ, общее образованіе, оставаясь совершенно свободнымъ, подлежитъ лишь надзору государства, наравнѣ со всѣми другими отправлениями общественной жизни. Въ дальнѣйшемъ теченіи этого изслѣдованія, мы встрѣтимся съ историческою повѣркой означенныхъ положеній. Вообще же, въ примѣненіи къ исторіи русскаго образованія, ходъ этого дѣла былъ иной: элементарное образованіе было свободно въ то время, когда оно находилось въ завѣ-

сть дѣло частнаго лица и его индивидуальной дѣятельности». Но какъ выжета съ этихъ принциповъ обязательнаго элементарнаго обученія, признанный Штейнхель? Неуставную попытку выдти изъ подобнаго затрудненія мы укажемъ ниже.

дѣланіи общинъ; въ послѣдствіи, когда государство возложило его на сословія и оно получило профессиональный характеръ, то вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалось принудительнымъ, служебнымъ; когда же, наконецъ, государство непосредственно взяло его въ свои руки и обратило его въ общее, то отношеніе его къ образованію сдѣлалось смѣшаннымъ. Оно вступило на путь косвеннаго принужденія.

Относительно средствъ распространенія его въ первую эпоху исъ принадлежащія сюда мѣры состоятъ лишь въ устройствѣ и поддержкѣ школъ, во вторую—въ учрежденіи школъ и въ законодательныхъ мѣрахъ, наконецъ, въ третью—въ устройствѣ школъ, законодательныхъ мѣрахъ и административныхъ учрежденіяхъ.

Матеріалъ для рѣшенія вопроса объ отношеніи государства къ народному образованію въ Россіи въ XVII и XVIII вѣкахъ.

Если взгляды государства на свои отношенія къ народному образованію уяснились весьма медленно, то одною изъ главныхъ причинъ того было младенческое состояніе науки. Едва ли развитіе какого-нибудь другаго вопроса административнаго права зависятъ отъ ея успѣховъ въ столь значительной степени.

Въ частности исторія этого вопроса (говоря въ строгомъ смыслѣ) не существуетъ еще въ Россіи. Обыкновенно ссылаются при этомъ на недостатокъ матеріаловъ. Недавно, въ одной рецензій на книгу г. Окольскаго: „Объ отношеніи государства къ народному образованію“ (Сиб. 1872 г.), самою слабою стороною исторической части этого сочиненія была признана исторія русскаго образованія, при чемъ рецензентъ выразилъ мысль, что оно не имѣетъ прошедшаго. Если такъ, то возникаетъ затрудненіе весьма капитальное: чтобы излагать исторію какаго-либо предмета, разумѣется, прежде всего нужно совѣстливо убѣдиться, что онъ дѣйствительно существуетъ. Когда говорятъ о недостаткахъ русской образованности, то здѣсь, вѣроятно, разумѣютъ не столько недостатковъ элементарнаго образованія (грамотныхъ людей есть уже не мало) и не столько недостатковъ профессиональныхъ знаній (спеціалисты по экономическимъ и ученымъ профессіямъ существуютъ, хотя, можетъ быть, не въ требуемомъ количествѣ), но, конечно, недостатокъ образованія общаго. Самымъ рѣшительнымъ доказательствомъ, что это послѣднее до недавняго времени сдѣлало успѣхи лишь незначительные, служитъ то,

что въ понятіи о намъ общество еще не условилось; если одинъ называетъ образованіемъ то, что другой считаетъ помяраченіемъ ума, то какъ же налагать его исторію?

Такова именно была крайняя противоположность во взглядахъ на до-петровскую элементарную систему образованія по сравненію ея съ новою, профессиональною. Когда въ среднѣ XVIII вѣка Полетика хотѣлъ предпринять въ изданіяхъ Академіи Наукъ историческій очеркъ образованія въ Россіи, то Ломоносовъ возсталъ противъ этого, доказывая, что взгляды автора на предметъ неблагонамѣренны, что выставляя невѣжество Русскихъ до Петра, онъ тѣмъ самымъ унижаетъ ихъ въ глазахъ иностранцевъ. Въ нѣсколько иной формѣ тотъ же споръ повторялся постоянно и въ послѣдствіи; даже въ среднѣ пятидесятиго вѣка возобновили его г. Купріяновъ съ г. Забѣлинымъ. Такъ какъ старая система опиралась на дѣятельности общинъ, корпорацій и отчасти на частномъ починѣ, а новая — на правительственныхъ узаконеніяхъ, то исходъ борьбы былъ весьма интересенъ для рѣшенія вопроса объ отношеніи государства къ народному образованію. Теперь, повидимому, борьба затихла, и хотя стороны разошлись непримиренными, но все-таки это добрый признакъ: нынѣ стали появляться исследователи, для которыхъ дорога лишь вѣрность историческихъ фактовъ.

Въ замѣнъ этой старой борьбы элементарнаго образованія съ профессиональнымъ, возникаетъ новая борьба профессиональнаго образованія съ общими. Общество далеко еще не уяснило собѣ, что нужно разумѣть подъ каждымъ изъ нихъ и въ какомъ отношеніи должно стоять одно къ другому.

Не смотря на все это, нельзя сомнѣваться, что народное образованіе въ Россіи есть фактъ дѣйствительный и уже имѣющій свое прошедшее. Предпринимая налагать его исторію, исследователь имѣетъ предъ собою матеріалъ, уже отчасти готовый, хотя ему придется преодолѣть еще важныя затрудненія.

Но историкъ-юристъ, имѣющій дѣло не съ успѣхами образованія, а съ государственными мѣрами относительно его, избавленъ отъ большей части этихъ затрудненій. Образованіе скудно, но масса правительственныхъ мѣръ по этому предмету (узаконеній, уставовъ и распоряженій) такъ значительна, что едва ли мы не можемъ поспорить въ этомъ отношеніи съ любую изъ европейскихъ странъ. Уже въ XVIII вѣкѣ, этотъ матеріалъ возросъ до такихъ размѣровъ, что оказалась необходимость въ особыхъ сборникахъ узаконеній и пра-

вительственныхъ распоряженій по народному образованію; таковы: изданное И. И. Бецкимъ „Собраніе учрежденій и предписаній касательно воспитанія въ Россіи обоюга пола благороднаго и мѣщанскаго юношества съ прочими въ пользу юношества установленіями“, Спб. 1789 — 1791 гг., а въ текущемъ столѣтіи изданный И. Ивановымъ: „Указатель законовъ объ учебныхъ заведеніяхъ съ учрежденія оныхъ въ Россіи до настоящаго времени и вообще о народномъ просвѣщеніи“. Спб. 1830. Въ Полное Собраніе Законовъ вошла значительная часть означенныхъ документовъ, но далеко не все; доказательствомъ того служатъ: „Архивъ Правит. Сената“ (Т. I. Описанными повелѣніями царствованія Императора Петра Великаго 1704—1725, сост. И. Барановскій. Спб. 1872) и „Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Свят. Правит. Синода“ (Т. I. 1542—1721. Спб. 1868). Неизданные архивы разныхъ правительственныхъ учреждений и учебныхъ заведеній могутъ увеличить эту массу до неслыханныхъ размѣровъ. Для историка - юриста эта правительственная дѣятельность представляетъ важный интересъ даже съ отрицательной стороны: она указываетъ пути, по которымъ не должно слѣдовать, если государство желаетъ успѣха въ достиженіи своихъ цѣлей.

Въ нашей литературѣ не встрѣчается еще полныхъ обзоровъ исторіи образованія вообще и отношенія къ этому вопросу государства. Кромѣ трудовъ г. Вольдемара, наиболѣе останавливается на себѣ вниманіе громадное предпріятіе покойнаго Пекарскаго, только что оплаканнаго русскою наукою, которое, въ сожалѣнію, пресѣлось въ самомъ началѣ его. „Введеніе въ исторію просвѣщенія въ Россіи XVIII столѣтія“ („Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В., Т. I“), „Исторія Импер. Академіи Наукъ“ и многочисленный рядъ статей, сопровождавшихъ эти труды, возбуждали увѣренность, что именно ему мы будемъ обязаны подробнымъ изслѣдованіемъ нашего образованія въ XVIII вѣкѣ. Обращаясь нѣсколько назадъ, мы встрѣчаемъ достойный уваженія трудъ г. Арсеньева: „Историко-статистическій очеркъ народнаго образованія въ Россіи“, помѣщенный въ 1-й книгѣ Ученыхъ Записокъ II-го отд. Импер. Академіи Наукъ (Спб. 1854), который содержитъ, однако, лишь перечень правительственныхъ мѣръ. Затѣмъ еще ранѣе явился, почти не принадлежащій къ русской литературѣ, трудъ Крузенштерна, для своего времени довольно полный: „Précis du système, des progrès et de l'état de l'instruction publique en Russie, redigé d'après les documents officiels par Alexandre de Krusenstern“. Varsovie. 1837. Затѣмъ, остальные попытки общаго обзора

хода русскаго образованія являлись (говорить о прежнемъ времени) лишь панегириками, произносимыми въ торжественныхъ собраніяхъ ученыхъ и учебныхъ заведеній; поэтому всѣ онѣ и носятъ характеръ официальнаго краснорѣчія. Такова рѣчь Фишера „О ходѣ образованія въ Россіи“ (*Журн. Минист. Народн. Просвѣщ.*, ч. V); такова же (но еще въ большей степени) „Рѣчь о состояніи въ Россіи древняго и нынѣшняго народнаго просвѣщенія“, помѣщенная въ сочиненіяхъ и переводахъ, издававшихся Академіею Наукъ (Ч. IV, 1810). Понятно, что подобныя сочиненія мало помогали государству въ удовлетворительномъ рѣшеніи вопроса о его отношеніи къ народному образованію.

Что касается до частныхъ изслѣдованій, то онѣ ограничиваются или исторіею того или другаго профессиональнаго званія, или исторіею различныхъ учебныхъ заведеній. Первые не могутъ, непосредственно, служить матеріаломъ для нашей работы, вторыя существенно важны; къ нимъ принадлежатъ, напримѣръ, сочиненія г. Смирнова („Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи“. М. 1865, и „Исторія Троицкой Лаврской семинаріи“. М. 1867); Веселаго („Очеркъ исторіи морскаго кадетскаго корпуса“. Спб. 1852) и друг. Но необходимо замѣтить при этомъ, что элементарныя школы обращали на себя очень мало вниманія. Особенно старая приходская система элементарнаго обученія возбуждала въ писателяхъ какую-то брезгливость; говорить въ серьезномъ тонѣ о дьячковскихъ школахъ считалось не только неумѣстнымъ, но даже постыднымъ. Тѣмъ пріятнѣе для насъ отмѣтить такія почтенныя исключенія, какъ статьи гг. Сухоминава („Училища и народное образованіе въ Черниговской губерніи“. *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1864. Январь), Ивѣйкова („Букварная система обученія въ исходѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій. *Семья и Школа* 1872, № 5—май), Д. Мордовцова („О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII вѣка. *Чтенія Импер. Общ. Ист. и Древн. Росс.* 1861. Кн. IV) и преосв. Филарета (неподписанная: „О старинныхъ школахъ, богадѣльняхъ и братствахъ. *Черни. Епарх. Извѣст.* 1862. 1 сент.). Но и новая система элементарнаго образованія еще не вызвала ни одного цѣльнаго изслѣдованія.

Наконецъ, по исторіи общаго образованія во второмъ половину XVIII вѣка придется отмѣтить важный трудъ г. Воронова: „Историко-статистическое описаніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа“. Спб. 1869, хотя объ этой эпохѣ существуетъ много изслѣдованій по каждой дирекціи въ отдѣльности.

1111. *Планъ изслѣдованій.* Въ предыдущихъ замѣчаніяхъ видно, на ка-

кой ллпмпъ изслѣдованія указываетъ намъ сама исторія: ранній предѣлъ избранной нами эпохи—XVII вѣкъ; мы не можемъ обозначить съ точностію—съ какихъ именно годовъ начинается эта эпоха, потому что начало многихъ явленій въ области исторіи права образованіи совершенно не можетъ быть опредѣлено хронологически. XVII вѣкъ взять нами потому, что въ немъ съ совершенною ясностію выражаются тѣ начала, которыя могли существовать раньше. Образование до Петра въ общемъ имѣло характеръ элементарный; объ немъ заботились лишь приходскія общины. Такимъ образомъ, первая часть нашего изслѣдованія должна быть посвящена элементарному приходскому образованію и дѣятельности общинъ по отношенію къ нему, до реформъ Петра. Но такъ какъ и до этого времени элементарное образованіе уже начало переходить въ высшія формы, въ рукахъ другихъ органовъ государства, естественно возникшихъ изъ приходскихъ общинъ (корпорацій), и потому отчасти въ рукахъ правительства, то мы должны были тутъ же отмѣтить, что можетъ быть, самый интересный фактъ въ исторіи образованія. Такимъ образомъ, мы хотѣли представить цѣльную картину однородныхъ явленій, — систему образованія, вытекающую изъ одного начала.

Система, основанная на элементарномъ образованіи, завѣдуемомъ приходскими общинами, не вдругъ уступаетъ предъ новою, выходящею изъ совершенно другихъ началъ; слѣды ея весьма ясны въ теченіи всего XVIII вѣка и чувствуются отчасти до сихъ поръ; изложеніе причинъ упадка приходскаго элементарнаго образованія, при общемъ разрушеніи старой системы, должно необходимо войти въ эту первую часть нашего изслѣдованія.

Этимъ могла бы она окончиться. Но и правительству XVIII вѣка не были совершенно чужды заботы объ элементарномъ образованіи, особенно въ началѣ реформаторской дѣятельности Петра. Попытки этого рода (въ чемъ, надѣмся, убѣдится читатель), не состоя ни въ какой связи съ главными началами новой системы, замѣчательны лишь своею неудачею. Поэтому нѣтъ никакой причины относить изображеніе этихъ попытокъ во 2-й части изслѣдованія, то-есть, къ изслѣдованію о профессиональномъ образованіи. Вниманіе читателя, сосредоточенное на этомъ послѣднемъ, уже не будетъ отвлекаться къ наблюденію явленій, составляющихъ отступленіе отъ системы.

Изображая здѣсь судьбу профессиональнаго образованія, преимущественно въ двухъ сословіяхъ — дворянскомъ (военное образованіе) и духовномъ (богословское), мы могли бы окончить разказъ о ней